

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-243-245

© К. М. Поливанов

ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЗАГЛАВИЯ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ТЕМЫ И ВАРЬЯЦИИ»*

Вечер в московской квартире поэта М. Цветина (Амари) 27 или 28 января 1918 года, получивший впоследствии название «встреча поэтов двух поколений», очевидно, произвел впечатление на многих участников, о нем вспоминали Д. Бурлюк, Б. Пастернак, В. Ходасевич, И. Эренбург. Кроме названных, там присутствовали К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис, М. Сабашникова, А. Белый, А. Толстой, В. Маяковский, В. Каменский, В. Инбер, М. Цветаева, П. Антокольский и др.¹ Из воспоминаний мы знаем о восторженной реакции А. Белого на чтение Маяковским поэмы «Человек», о Бальмонте, прочитавшем раздраженный сонет «Маяковскому»,² и о восхищении Вяч. Иванова стихотворением Ходасевича «Эпизод».³

В третьей части «Охранной грамоты» Пастернак вспоминал именно о чтении «Человека» и о впечатлении Белого (оговаривая, что не видел при этом лиц Эренбурга и Цветаевой). Но, как убедительно показал Н. А. Богомолов, стихотворение Ходасевича отозвалось в написанных в том же году «Белых стихах» мемуариста.

Сам Ходасевич в поздних пояснениях к своим стихам писал об «Эпизоде»: «25–28 январь». Впервые читал на вечеру у Цетлиных под „бурные“ восторги Вяч. Иванова (с воздеванием рук). Потом с этими стихами приставали ко мне антропософы. Это по-ихнему называется отделением эфирного тела. Со мной это случилось в конце <19>17, днем или утром, в кабинете. 25 январь написал целиком, днем, и тотчас же за ним — „К Анюте“.⁴

В «Эпизоде» поэт, сидя в своей комнате («Я в комнате своей сидел один...»), как будто покидает свое тело и получает возможность смотреть на все, в том числе и на самого себя, со стороны («Я сидел, / Закинув ногу на ногу, глубоко / Уйдя в диван, с потухшей папиросой / Меж пальцами, совсем худой и бледный...») — но этот оставшийся сидеть «я» представляется ему со стороны как будто мертвым:

И человек, сидящий на диване,
Казался мне простым, давнишним другом,
Измученным годами путешествий.
Как будто бы ко мне зашел он в гости,

И, замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.
Лицо разгладилось, и горькая улыбка
С него сошла.⁵

Это как будто мертвое лицо, оставленная оболочка, прежде чем отделившийся поэт возвращается «в сброшенную кожу», очевидно, корреспондирует с тем, на что он смотрел перед «эпизодом», — «на маску Пушкина, закрывшую глаза», причем оба эти места в стихотворении, по тонкому замечанию А. Э. Скворцова,⁶ как будто откликаются на строки Жуковского:

...Долго стоял я над ним, один, смотря
со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты
глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было
заметно,
Что выражалось на нем — в жизни такого
Мы не видали на этом лице.⁷

Напомню, что процитированная выше позднейшая мемуарная запись Ходасевича начинается датировкой: «25–28 января» — дни последней дуэли и смерти Пушкина.

С Пушкиным в этом стихотворении связано многое: от внешней формы — 5-стопный белый ямб (местами, впрочем, 6-стопный), начинающийся с полуступиши:

...Это было

В одно из утр, унылых, зимних, вьюжных,⁸ —

повторяет, похоже, «...Вновь я посетил...», этот же размер без рифм с большим количеством enjambement'ов, очевидно, напоминает и форму маленьких трагедий, при этом «Мозарт и Сальери» в самом начале у Ходасевича почти цитируется:

Изнемогая в той истоме тусклой,
Которая тогда меня томила...⁹

Ср.:
Намедни ночью
Бессонница моя меня томила <...>¹⁰

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Скворцов А. Э. Поэтическая генеалогия. М., 2015. С. 72–87.

⁷ Цит. по: Жуковский В. А. Стихотворения: [В 2 т.]. Л., 1940. Т. 2. С. 272 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁸ Ходасевич В. Ф. Стихотворения. С. 106.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 126.

* Посвящается памяти Н. А. Богомолова.

¹ Катанян В. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 138.

² Там же. С. 138–139.

³ Ходасевич В. Ф. Стихотворения / Вступ. статья Н. А. Богомолова; сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова и Д. В. Волчека. Л., 1989. С. 379 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴ Там же.

У Пушкина Моцарт предлагает собеседнику представить себе своего «двойника», что также переключается с раздвоением героя у Ходасевича:

Представь себе... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишком, а слегка, —
С красоткой, или с другом — хоть с тобой —
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незачный мрак или что-нибудь такое...¹¹

Можно предположить и другие пушкинские аллюзии: эпизод случился в «зимнее утро», когда герой «в комнате своей сидел один» (как Онегин в восьмой главе романа), за окном он слышит крики детей и грохот «салазок»; оставив свое тело, он получает возможность слышать звуки «точно сквозь толщу вод» (как будто соединяя возможности улавливать «дольней лозы прозябанные» и «гад морских подводный ход»),¹² а окружающий пейзаж, берег и «рощица, где мы сейчас бродили» напоминают о «вечер еще бродил я в этой роще» из того же «...Вновь я посетил...».

Отстраненно на все глядящий герой переживает творческое отстранение, подобное фетовскому «Одним толчком согнать ладью живую...»:

И вдруг — как бы толчок, — но мягкий,
осторожный, —

И всё опять мне прояснилось, только
В перемещенном виде. Так бывает,
Когда веслом мы сталкиваем лодку
С песка прибрежного; еще нога
Под крепким днищем ясно слышит землю,
И близким кажется зеленый берег
И кучи дров на нем; но вот качнуло нас —
И берег отступает; стала меньше
Та рощица, где мы сейчас бродили;
За рощей встал дымок...¹³

Очевидно, что в этом эпизоде отделившийся на несколько секунд от тела двойник поэта оказывается в какой-то степени поэтом вообще, но более всего, как нам представляется, подобен поэту Пушкину.

Можно допустить, что впечатление от пушкинских аллюзий в «Эпизоде» могло быть дополнительно усилено тем, что чтение состоялось в день смерти Пушкина, на который приходилось и рождение самого Пастернака.

Н. А. Богомолов в своей работе «Ходасевич и Пастернак: Ранние пересечения»¹⁴ подробно

и убедительно показал, что «Эпизод» Ходасевича в значительной степени повлиял на «Белые стихи» Пастернака конца 1918 года, параллели Богомолов обнаруживает и в структуре, и в привязывании начала к определенному конкретному пространству и точному времени, и в соединении реальных картин, окружающих героев, с воображаемыми, и в отстраненном взгляде на героя со стороны, и в общем для обоих поэтов, ориентированном на Пушкина насыщении текстов просторечиями.

Полностью принимая рассуждения Н. А. Богомолова, я бы рискнул распространить начатое им сопоставление на еще несколько текстов и Ходасевича, и Пастернака.

Сам Ходасевич указывал, что «Анюту»¹⁵ написано в тот же день, что и «Эпизод», и мы не можем исключить, что на встрече у Цетлина были прочитаны оба стихотворения. В этом тексте герой приглашает взглянуть на спичечную коробку с изображением кораблика, на котором он воображает команду, капитана и матросика, имеющего обыкновение смотреть на небеса, и сам себя уподобляет этому матросику:

И я, в руке Господней,
Здесь, на Его земле, —
Точь-в-точь как тот матросик
На этом корабле, —

причем в завершение он смотрит из каюты на поэта и его собеседницу:

Вот и сейчас, быть может,
В каюте кормовой
В окошечко глядит он
И видит — нас с тобой.¹⁶

Тут, как и в «Эпизоде», представлен взгляд на самого себя со стороны. Такой тематический прием, впрочем, характерен для многих стихотворений Ходасевича.

В 1922 году вслед за «Эпизодом» во втором издании «Путем зерна» было помещено стихотворение «Вариация», прежде опубликованное в 1920 году, но в первое издание сборника Ходасевичем не включенное.

Вариация

Вновь эти плечи, эти руки
Погреть я вышел на балкон.
Сижу, — но все земные звуки —
Как бы во сне или сквозь сон.

И вдруг, изнеможенья полный,
Плыву: куда — не знаю сам.
Но мир мой ширится, как волны
По разбежавшимся кругам.

¹⁵ В той же работе Н. А. Богомолов предполагает, что с «Анютой» может быть связано еще одно стихотворение Пастернака «Из суевья» (Там же. С. 172).

¹⁶ Ходасевич В. Ф. Стихотворения. С. 119.

¹¹ Там же.

¹² На соотносительность с «Пророком» указывал Скворцов.

¹³ Ходасевич В. Ф. Стихотворения. С. 107.

¹⁴ Богомолов Н. А. Ходасевич и Пастернак: Ранние пересечения // The real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Stanford, 2007. Part 1. P. 237–241 (Stanford Slavic Studies; vol. 33); перепеч.: Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 169–174.

Продлись, ласкательное чудо!
Я во второй вступаю круг
И слушаю, уже оттуда,
Моей качалки мерный стук.

Август 1919
Москва¹⁷

К нему также Ходасевич дал пояснение («Август, в Москве, после того, как накануне случилось вторично, но не так отчетливо, как в Гирееве, на террасе, утром»¹⁸), но и просто расположенное в книге вслед за «Эпизодом», оно неизбежно прочитывалось как повторение сходного ощущения развоенности и взгляда на себя со стороны, уже, кажется, без столь явно бросающихся в глаза пушкинских аллюзий (впрочем, начальное «Вновь» может указывать на обыгрываемое в «Эпизоде» «...Вновь я посетил...» со строками «иные берега, иные волны», которые тоже могут отзываться в тексте), но с отчетливым присутствием мотива морского плавания, на бытовом уровне мотивированного качанием в кресле.

В четвертой книге стихов Пастернака «Темы и варьяции» (1923) был опубликован цикл из семи стихотворений «Тема с варьяциями», который в значительной степени определил ее заглавие. До выхода сборника стихотворения цикла с небольшими отличиями от книжной редакции в 1922–1923 годах печатались по одному тексту в альманахах «Корабль» (1922) и «Абракасас» (1922) и затем в виде двух подборок в первом и втором выпусках «Альманаха артели писателей „Круг“». Первая подборка из трех стихотворений «Тема с варьяциями» включала не озаглавленное стихотворение «Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа...» и две «варьяции»: «5-я варьяция патетическая» («Цыганских красок достигал...») и «Шестая пасторальная» («В степи охладевал закат...»), вторая была озаглавлена «Вариа́ции на тему „Цыган“».

Первое стихотворение цикла начинается узнаваемым экфрасисом — знаменитой картиной Айвазовского-Репина «Пушкин у моря», но Пушкин при этом описывался закрывшим глаза, как маска из «Эпизода» Ходасевича:

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
Скала и — Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспою, пустыней,
И больше ничего. Скала и шторм.¹⁹

Это стихотворение, в окончательной редакции цикла получившее заглавие «Тема», как и «Эпизод» Ходасевича, написано белым пя-

тистопным ямбом, с некоторым количеством enjambement'ов, с множеством прямо или косвенно использованных пушкинских цитат, аллюзий и мотивов.²⁰ Причем представляется существенным, что и в нем, и во всех последующих пяти «Вариа́циях» присутствует морской берег или море, так же как в трех вышеупомянутых стихотворениях Ходасевича.

Мы можем заключить, что Пастернак в этом цикле варьирует не только темы и мотивы стихотворений Пушкина, но и «Эпизод» и «Вариа́цию» (а может быть, и «Анюте») Ходасевича. Отметим, что оба заглавия могут прочитываться и как музыкальные термины.

Исследователи отмечали, что Пушкин в этом цикле отчасти соотнесен с самим Пастернаком, отчасти напоминает и других поэтов (в 5-й вариации «Цыганских красок достигал...» появляется строка «болел цингой», которая не может быть отнесена к Пушкину, но, возможно, связана с биографическими обстоятельствами А. Блока или В. Хлебникова), а строки о губах, скулах и чешуе из «Темы» — оказываются едва ли не аллюзией на «А вы могли бы» Маяковского:²¹

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
На сфинксовых губах — соленый вкус
Туманностей. Песок кругом заляпан
Сырыми поцелуями медуз.

Он чешуи не знает на сиренах,
И может ли поверить в рыбий хвост
Тот, кто хоть раз с их чашечек коленных
Пил бившийся как об лед отблеск звезд?
Скала и шторм и — скрытый ото всех
Нескромных — самый странный, самый
тихий,

Играющий с эпохи Псамметиха
Углами скул пустыни детский смех...²²

В «Эпизоде» Ходасевича покинувший тело поэт также уподоблен не только Пушкину, но отчасти Жуковскому и Фету.

Взгляд на себя со стороны у Ходасевича также может отзываться у Пастернака в силу биографических обстоятельств. Кристофер Барнс пишет, что согласно семейным преданиям, когда художник Леонид Пастернак в начале века работал над рисунком «Пушкин в Одессе», изображающим вдумчиво смотрящего в сторону моря поэта со шляпой в руке, его сын Борис позировал ему как натурщик.²³

²⁰ Ср., в частности, в нашей работе «Канонические тексты Пушкина в лирике и романе Б. Пастернака» (Пушкинские чтения в Тарту. 5. К 85-летию Л. И. Вольперт. Ч. 1. Тарту, 2011. С. 271–291; см. также: Crone A. L., Suhrcke P. Pasternak's „Pushkin Variations“ // Die Welt der Slaven. 1979. Bd 24. S. 316–336).

²¹ Отметим, что в автобиографической повести «Охранная грамота» Пастернак сопоставляет Маяковского и Ходасевича.

²² Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 170–171.

²³ Барнс К. Пушкин и Пастернак // Континент. 1999. № 102. С. 397.

¹⁷ Там же. С. 108–109.

¹⁸ Там же. С. 379.

¹⁹ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003. Т. 1. Стихотворения и поэмы, 1912–1931. С. 170.